

Глава из жизни

ТАК БЫЛО

В конце минувшей недели умер ярославский историк и краевед Михаил Германович Мейерович. Он известен прежде всего тем, что открыл главную тайну нашего города – убедительно обосновал дату рождения Ярославля. 1010 год. Автор многих других работ, он больше двадцати лет проработал в Ярославском краеведческом музее, был у истоков создания Ярославского музея-заповедника. С возобновлением Ярославского государственного университета стал преподавателем и за двадцать пять лет педагогической деятельности вырастил несколько поколений музейщиков, историков, учителей.

Михаил Германович был не только замечательным ученым, но и прекрасным человеком. Выпускник Московского государственного университета. Фронтник.

Судьба его складывалась непросто и в молодости, и на склоне лет. Глубоко пожилым человеком, проводив семью в Израиль, он остался в Ярославле один, не в силах порвать с городом, с которым связана вся жизнь. Прожил без родных три года, но в 1996-м все-таки решил на отъезд.

Михаил Германович никогда не порывал связи с Ярославлем, переписывался с учениками и коллегами, следил за происходящими у нас событиями и писал воспоминания. Он закончил их в прошлом году.

Предлагаем вниманию читателей отрывок из его книги, любезно предоставленный редакцией издателем Александром Рутманом. В этой главе Михаил Германович вспоминает о том, как создавался Ярославский музей-заповедник. Уже были готовы к отправке автору гранки. Но просмотреть их он не успел...

В 1957 – 1958 годах в некоторых областях стали возникать историко-художественные и архитектурные музеи-заповедники – Новгородский, Владимиро-Суздальский, Костромской, Горьковский. Они создавались на базе памятников старины и областных краеведческих музеев. Это означало определенный поворот к древней истории России, к ее уникальным памятникам (вспомним, что это были годы «хрущевской оттепели»).

Включение в состав краеведческих музеев архитектурно-художественных памятников средневековья (а это были кремли, монастыри, церкви) значительно расширило сферу их деятельности. Нужно было готовить памятники к музейному показу, а следовательно, заниматься их изучением, реставрацией, охраной. По сути это означало попытку преодолеть необходимость заниматься только «современностью», вырваться из существующей жесткой музейной структуры.

Когда в середине 1950-х годов в стране установили единую минимальную зарплату (300 рублей старыми), то в ряде районных музеев эту зарплату стали получать и директор, и уборщица... При создании музея-заповедника устанавливалась «государственная категория» (до того ее имели почти исключительно центральные музеи), что означало весьма существенный рост заработной платы, расширение штатов и увеличение общего финансирования.

Когда появились первые музей-заповедники, встал вопрос о создании такого и в Ярославле. Инициатива исходила от нас, ее поддержали областное управление культуры (особенно заместитель начальника Д. С. Антонов), облисполком и обком партии. Подготовка всего проекта, его документацию поручили мне. И я взялся за дело.

Поскольку требовалось значительное увеличение финансовых затрат, решающее значение имела позиция Министерства финансов СССР. Вот почему во всех случаях в союзное Министерство финансов ходили первые секретари обкомов КПСС. Все они были членами (или кандидатами в члены) ЦК КПСС, депутатами Верховного Совета СССР.

М. Г. Мейерович с внуками Асей, Мишей и Машей. 1 мая 1987 г.

А в Ярославле по непонятной причине первый секретарь обкома КПСС Баринов в Министерство финансов СССР не поехал, а послали в эту «святыню святых» почему-то меня. Когда я пришел туда, заместитель министра даже не предложил мне сесть. Он смотрел на меня с удивлением, ничего не выражающим взглядом и сказал, что ни о каком музее-заповеднике в Ярославле ничего не знает и никакой визы ставить не будет. Так я и ушел несолоно хлебавши и с этой печальной новостью вернулся в Ярославль.

Прошла пара месяцев. Областное начальство, видимо, не забыло об этом. И вот во время XXI съезда КПСС (27 января – 5 февраля 1959 г.) председатель Ярославского облисполкома Борисенко встретился с министром финансов СССР Зверевым (а они были хорошо знакомы, поскольку Борисенко являлся председателем бюджетной комиссии Верховного Совета РСФСР), они договорились, что министр примет главного финансиста Ярославской области Деменцева для решения ряда вопросов, в том числе о музее-заповеднике.

Я в эти дни по каким-то делам находился в Ростовском музее. Вдруг звонит из Ярославля директор музея Романычева: завтра в 12 часов дня я должен быть в Москве, в гостинице «Украина», где остановился Борисенко. Все необходимые бумаги мне сегодня привезет Луиза (массовик нашего музея, родилась которой жила в Ростове). Я попросил, чтобы она привезла мне из дома и выходной костюм.

Все необходимое было доставлено в Ростов, и я, переодевшись, вечером сел в поезд. Ровно в 12 дня был в гостинице. Происходило это 5 февраля 1959 года, в день закрытия съезда. К гостинице все время подъезжали шикарные лимузины с делегатами и автобусы с иностранными гостями съезда. Вскоре прибыл и Борисенко. Он объяснил Деменцеву и мне ситуацию и сказал, что министр примет нас сегодня в три часа дня.

И вот мы в кабинете Зверева. Он возглавлял Министерство финансов СССР уже много лет, и все, кто общался с ним, знали, что получить у него добро на де-

ло, требующее дополнительного финансирования, практически невозможно. Не случайно его называли «железным министром»! Начал разговор Деменцев. Он минут двадцать говорил о состоянии финансовых дел в области, об их успехах и «отдельных недостатках». Зверев внимательно слушал, иногда задавал вопросы, иногда согласно кивал, и у меня сложилось впечатление, что они прекрасно понимают друг друга. Наконец Деменцев сказал, что министр в

– Но ведь заповедник – это для зверей, природы, – снова возразил Зверев. Он велел своему помощнику принести соответствующий том Большой Советской Энциклопедии и прочитал вслух статью о заповедниках. Там действительно в основном говорилось об охране природы и только в конце значилось: «а также художественные и культурные ценности».

Я повторил эти последние слова и сказал, что еще в 1921 году Ленин подписал указ о создании первого, Загорского историко-художественного музея-заповедника. Чем Ярославль и Ростов хуже?

Зверев посмотрел на меня внимательно, немного подумал и вызвал по телефону своего первого заместителя Посконова: «Вот что, – сказал он, – посмотрите, посоветуйтесь в управлениях. Заповедник – не заповедник, но помочь надо. Народ вроде хороший!..»

На этом и кончилась наша аудитория с «железным министром». Кстати, когда позднее Т. П. Третьякова, начальник управления культуры, благодарил Деменцева за помощь, он ей ответил: «Что вы, я тут ни при чем. Это все это, ваш усатый Мейерович!»

Но на этом еще не кончилось. Зверев сказал Посконову: «Посмотрите!» И тот, пригласив меня в свой кабинет, вызвал трех начальников управлений министерства – бюджетов, штатов и культуры – и приказал им тщательно во всем разобраться. И началось мое «хождение по мукам». В каждом управлении я сперва уговаривал инспектора соответствующего отдела, затем заведующего отделом, потом заместителя начальника управления и, наконец, самого начальника. Итого четырех чиновников в каждом управлении. А всего – аж двенадцать. Я пробыл в министерстве дней пять, не меньше.

Мы ждали ответа и волновались. В конце февраля я узнал по телефону, что виза получена. В апреле в Ярославль пришло решение Совета Министров РСФСР о создании Государственного Ярославско-Ростовского музея-заповедника. А 10 мая 1959 года последовал приказ № 1 по музею-заповеднику о назначении на штатные должности сотрудников музея.

Я по-прежнему занимал должность заместителя директора по научной части. Директором должен был стать Дмитрий Сергеевич Антонов.

Наш музей-заповедник получил вторую категорию государственного музея, в связи с чем должностные оклады научных работников возросли на 40 – 60 процентов, и все были очень довольны, находились в праздничном настроении.

Осенью 1959 года музей получил для размещения своих экспозиций архитектурный комплекс Спасо-Преображенского монастыря, хорошо отремонтированный и отреставрированный. Правда, приводили его в порядок не для музея, а для постоянно действующей народнохозяйственной выставки, создававшейся тогда по образцу ВДНХ во всех областях. Из монастыря были выселены все учреждения и многочисленные жильцы. Ярославский совнархоз вложил огромные средства в ремонт, реставрацию и благоустройство. Выставка открылась в 1958 году как постоянно действующая, но осенью 1959-го ее почему-то закрыли (в те годы столь резкие повороты случались довольно часто). А весь комплекс монастырских зданий передала музею-заповеднику. Перед нами стояли весьма сложные задачи: не только разместиться в новых помещениях, но как можно быстрее открыть музей для посетителей. В августе 1960 года Ярославль собирался отметить свое 950-летие.

М. МЕЙЕРОВИЧ.

(Печатается в сокращении).